

Sexton Blake is Fake, или Бунтарь и мастер подделок

«Ван Гог был связан со многими художниками своего времени, особенно с теми, которых он обожал», — говорит грузный пожилой мужчина, немного похожий на Санта-Клауса: белая борода, длинные белые волосы, округлая фигура. «Он любил использовать венецианскую технику в своих работах, сейчас я вам покажу, что именно он делал», — продолжает мужчина и начинает энергично водить кистью по холсту, закрашивая синей краской белые пространства на картине, на которой будут изображены цветы.

Сцена меняется. Тот же мужчина, в своей довольно большой студии, рисует карандашом портрет молодой девушки. «Ренуар, — говорит он, — увлёкся импрессионизмом вскоре после самого начального этапа своего художественного обучения». Мужчина говорит с непростым для понимания акцентом кокни: он рассказывает историю художника, одновременно рисует и объясняет особенности его техники. Когда картина закончена, он со смехом объясняет, что добиться такого можно только усердием, старанием и терпением, но в принципе в этом нет ничего невозможного.

Ещё один эпизод. «Чтобы показать вам технику Рембрандта, я смешаю несколько его портретов в один и мы пройдем по всем деталям. Например, он использовал особые краски — наполовину масляные, наполовину темпера. Ему это было нужно для того, чтобы краска сохла быстрее и можно было бы переходить к работе над следующим слоем». Мужчина быстро пишет портрет Рембрандта и его сына Тита, параллельно рассказывая уйму фактов о жизни великого мастера, его отношении с сыном, а также финансовым положением художника.

Всё это — сцены из британской телевизионной передачи «Том Китинг о художниках». Она выходила на Channel Four в 1982 году — и её главный герой, тот самый пожилой мужчина по имени Том Китинг — не арт-дилер и арт-критик, не эксперт (по крайней мере в классическом понимании этого термина). Он — блестящий фальсификатор, специализирующийся на создании поддельных и фальшивых картин; его наглость в шестидесятые и семидесятые была настолько грандиозной, что он писал на холсте слово ФАКЕ прямо под слоями краски, словно расписываясь в своём преступлении и издеваясь над напыщенными экспертами арт-рынка, над всей армией искусствоведов и коллекционеров, которые годами покупали его картины, считая, что приобретают подлинного Ренуара, Констебла или Сезанна.

По крайней мере, кажется, что именно так Китинг хотел, чтобы его воспринимали — как фигуру героическую, романтическую и контрсистемную. И так он рассказывал о себе в авторизованной биографии, написанной двумя журналистами, которые, собственно, и раскрыли рынку глаза на то, что по нему давно курсируют фальшивки, созданные никому особо не известным Китингом. Впрочем, к словам фальсификатора необходимо относиться осторожно — человек, умеющий имити-

ровать стиль сотни художников и способный смотреть на мир, чужими глазами, работать в чужой технике, навряд ли будет откровенен, рассказывая о внутренних мотивах, приведших его к фальсификаторству.

Впрочем, верить ему очень хочется: он был страшно обаятельным на вид человек, хотя и с мрачным, даже угрожающим смехом. И, что главное, ему верила британская публика, следившая за его судьбой с большим интересом. Люди любят бунтарей, особенно когда те способны преподнести себя со вкусом и стилем.

А Том Китинг умел. К концу жизни он пришёл к тому, о чём всегда мечтал — получил скандальную славу художника и статус звезды, чьё мнение может быть столь же значимо, сколько и мнение арт-истеблишмента: напыщенного, закрытого, горделивого. Словом, такого, каким он был в глазах Китинга.

Barney Rubble is for Trouble

Будущий гений-фальсификатор родился в Лондоне в 1917 году в районе Луишем. Его отец был бедным маляром, которому редко удавалось сводить концы с концами, и, если говорить откровенно, Том вырос в бедности. Позднее, когда он будет много рассказывать о своей жизни, ему будет нравиться начинать рассказ о себе именно с того, что с самого детства мир был против него — а он не сдавался и старался отвоевать своё место под солнцем, попутно раскрывая свой артистический талант. Маленький кокни, который смог преодолеть все преграды и показал всем, чего он стоит.

Впрочем, сложное детство не было преувеличением. Семье остро требовались деньги, а жизнь не торопилась радовать Тома. В 14 лет он решил поступить в колледж Святого Дунстана, старинное и уважаемое

учебное заведение, существовавшее в Лондоне ещё с XV века и заново открытое в конце XIX века. Экзамены были непростыми, но Том с ними справился — так сильно он хотел туда попасть. Но всё оказалось напрасным: для того, чтобы учиться, семье необходимо было внести плату в размере 14 фунтов; она требовалась на оплату книг и униформы.

Таких денег у Китингов не было даже близко: отец получал примерно шиллинг и шесть пенсов в час. Что это значило на практике? До денежной реформы 1970-х в британском фунте было 20 шиллингов, а в шиллинге, в свою очередь — было 12 пенсов. То есть плата за обучение была эквивалентом 186 часов работы отца Китинга.

С мечтой об учёбе и хорошем образовании пришлось попрощаться. Но Том начал упорно работать: он был курьером и коридорным, носильщиком в гостиницах и помогал продавцам в нескольких лавках. С возрастом он занялся семейным делом — стал маляром, как и отец. Он упорно трудился, мечтая о том, что, преодолев всё это — нищету, изматывающую и нудную работу, отвратительное образование, которое было доступно ему в родном районе, он сможет прорваться к чему-то настоящему и прекрасному.

Вместо прекрасного в жизнь Китинга пришла война: после начала Второй мировой войны его призвали на флот — он служил механиком почти всю войну. Судьба его сохранила от печальной участи многих британских моряков, погибших в ходе сражений с немецкими ВМФ. Китинг вернулся домой — и ему даже удалось извлечь из своего военного опыта максимум пользы.

В конце войны в Великобритании прошли первые за 10 лет парламентские выборы (в 1940 году депутатов не избирали из-за войны), и к власти пришли лейбористы во главе с Клементом Эттли. Он обещал постро-

ить прекрасный Град на холме и изменить баланс сил в обществе, дав больше прав и привилегий рабочему классу. Особое внимание уделялось и ветеранам: отслужившие солдаты имели ряд преференций и льгот, используя которые они должны были успешно встроиться в мирную жизнь и даже получить то, что раньше им было недоступно.

Лейбористы готовили создание всеобщей системы здравоохранения, говорили о всё новых и новых социальных обязательствах, которые правительство брало на себя. Одной из вещей, которую они хотели сделать максимально доступной для всех, было качественное образование. Китинг не хотел пропускать такую возможность и поступил в Голдсмитс-колледж, относительно молодое учебное заведение, основанное в конце XIX века в Лондоне и специализировавшееся на обучении искусству, дизайну, социальным и гуманитарным наукам.

Bread and Honey is for Money

Казалось бы, мечта сбылась и теперь всё было в руках у Китинга, который годами мечтал о том, чтобы приобрести хороший вкус, получить образование и начать карьеру свободного художника — как его кумиры вроде Ренуара или Гогена. Однако проблема оказалась в другом: он столкнулся с презрением и отторжением со стороны многих своих сокурсников, представителей высших классов.

Проблема заключалась даже не только в том, что Китинг был выходцем из рабочей семьи (хотя и в этом тоже). Более продвинутые и насмотренные студенты постоянно высмеивали его вкус. Китингу, например, очень нравились работы Пьетро Аннигони, современного ему итальянского художника антимодерниста, который

в своём творчестве пытался воссоздавать методы и стиль искусства времён Ренессанса, всеми силами отрицая авангардизм XX века.

Его классический, намеренно гиперреалистиче-ский стиль резко контрастировал с тем, что было в моде в середине века; во многом по этой причине в 1950-х и 1960-х к нему с заказами на портрет обращались королева Елизавета II и президент США Джон Кеннеди. У Анниги были свои поклонники среди людей старомодных по взглядам и нуждающихся в классических, академиче-ских портретах.

Любовь к академизму могла поощряться в Букин-гемском дворце и Белом доме, но на неё с презрением смотрели студенты-художники и искусствоведы. Китингу пеняли на его «примитивные» и пролетарские взгляды на искусство. Всё это бесило Китинга, тем более что и успехи в учёбе давались ему нелегко: техникой живописи он овладел на блестящем уровне, в то время как с созданием собственных картин и композицией у него были серьёзные проблемы.

Словно понимая всё своё несовершенство, Китинг усердно осваивал и другие умения, которые ему могли пригодиться в будущем. Он много посвящал времени тому, что изучал, как правильно реставрировать картины. Ему давалось это легко — гораздо легче, чем, например, работа над собственными картинами; многие его профессора отмечали, что ему совсем не давалась композиция, притом что техника рисунка была его сильной стороной.

К тому же насмешки однокурсников и общее на-строение, царившее в мире искусства, всё сильнее отвра-щали Тома от мыслей о карьере известного художника, признанного истеблишментом и другими художниками. Во время учёбы он начал работать как реставратор. Его первым местом работы была реставраторская мастерская

братьев Хан, расположенная в одном из самых фешенебельных районов Лондона — Мэйфэйр. Мастерскую основали братья, эмигрировавшие из Германии в 1870 году и потратившие несколько десятилетий на создание репутации одних из самых респектабельных реставраторов Лондона. Их подход к работе был тщательным, скрупулёзным, почти академическим — Китинг трудился там, возвращая картинам вид, задуманный их создателем: очищал холсты от наслоений пыли и грязи, латал трещины, ретушировал те места полотен, на которых осыпалась краска. Денег всё равно на всё не хватало, поэтому Китинг дополнительно продолжал работать

Реставрация нравилась Китингу, но он всё же мечтал о чём-то другом. Техническая монотонность работы по восстановлению чужих картин заставляла Тома грустить; он мечтал творить сам, а не быть тем, кто остаётся в тени, чьё имя никому не известно, а чья слава ограничивается кругом знатоков. Учёба его уже не так интересовала и диплом он не получил — не смог сдать экзамены (провалив злополучную композицию). Но у него была работа, жена и дети — а также смутное представление о том, чем он хочет заниматься в дальнейшем.

А ещё его жгло острое желание поквитаться со всеми, кто обижал его, кто смеялся над его вкусами и издевался над его происхождением.

Том Китинг хотел отомстить миру искусства.

French and Bench is for Revenge

Сам Китинг рассказывал, что его превращение в мастера поддельных картин было невольным, почти случайным (верить на слово Китингу, конечно, не стоит). После того, как с учёбой было покончено, Том повстречал человека, которого в своих мемуарах он называл Фредом Ро-

бертсом. У него была своя фирма, занимавшаяся реставрацией картин — и к своей репутации он подходил не так щепетильно, как владельцы мастерской братьев Хан. Да и методы работы выбирал не так разборчиво.

Задания, которые давал Робертс Китингу, были предельно творческими, а не техническими, как у братьев Хан. Например, одна из первых работ Тома заключалась в том, что ему нужно было залатать огромную дыру на картине Томаса Сиднея Купера, блестящего британского пейзажиста. Картина пострадала во время бомбардировок Лондона во время войны: часть пейзажа была полностью уничтожена. Правильным путём, которым должен был бы пойти уважающий себя реставратор, было бы восстановление части холста, стабилизация картины и ретуширование пострадавшего участка полотна.

Но Робертс сказал Китингу, что он может поступать так, как ему кажется лучшим, — и тот написал на восстановленном участке группы детей, водящих хороводы вокруг майского дерева. Строго говоря, уже и это было в значительной степени фальсификацией — тем более что за этим заказом последовали и многие другие: Китинг видоизменял картины, то добавляя что-то, то удаляя. Словом, творя поверх чужого искусства.

Но всё это было баловством. Сам Китинг считал своей первой фальшивкой (или, как он их называл, Sexton Blake — по привычке кокни рифмуя слово «fake» с двумя другими) другую картину. Она родилась из противоречия, спора и нелюбви Китинга к работам современного ему художника Фрэнка Мосса Беннетта — он пользовался любовью публики, и его картины хорошо продавались.

«Великолепная возможность принять решение открылась мне, когда однажды я приехал в студию и обнаружил, что Робертс на-

тирал воском картину Фрэнка Мосса Беннетта.

«Что это у вас там? — спросил я, проходя мимо. — Можно подумать, что это Рембрандт».

«Это намного лучше, чем ты бы мог сделать», — усмехнулся он.

Я внимательно посмотрел на картину.

«Я вас попрошу, — засмеялся я. — Я мог бы сделать лучше, работая только левой рукой».

Когда я приехал на работу следующим утром в понедельник, то, к моему удивлению, я обнаружил, что картина, над реставрацией которой я работал в тот момент, была снята с мольберта и на ее место был помещен чистый холст. Рядом с ним, на другом мольберте, была расположена картина Фрэнка Мосса Беннетта».

Задача оказалась не такой лёгкой, как сначала казалось Китингу — сперва он набивал руку и сделал пару копий картины. Но ему хотелось двигаться дальше и не копировать, а сделать работу в стиле Беннетта. Том отправился в Национальный морской музей — изучал и зарисовывал костюмы разных эпох; Беннетт увлекался морской темой и особенно Елизаветинской эпохой. Результатом этого упорного труда стала картина, которую Китинг написал в манере Беннетта.

Сам Том относился к ней как к доказательству своего мастерства. Тем поразительнее ему было узнать, что Робертс продал картину в одну из лондонских галерей под видом оригинального Беннетта. Позднее он писал:

«Я с удивлением обнаружил, что, оглядываясь по сторонам, я видел картины, развешанные на стенах, которые я в свое время дополнял сценами на лодках, маленькими девочками с лентами в волосах и другими деталями, пытаясь сделать их более привлекательными для покупателей. Я стоял там, и задавался вопросом, сколько других дилеров в Вест-Энде промышляли таким обманом».

Так Китинг стал автором своей первой успешной фальшивки.

Это было только начало.

У любого художника есть период становления — время, когда вырабатывается свой стиль, узнаваемый и отличный от других. Есть такой период и у тех художников, которые создают подделки. По крайней мере, если судить по биографии Китинга. После первой созданной фальшивки его жизнь не стала в одночасье другой, он не обогатился и не ухватил удачу за хвост. Китинг продолжал жить со своей семьей в Форрест-Хилле, не имея возможности снять жильё в районе получше и изнывая от семейной рутины, необходимости кормить родных и заботиться о двух детях.

Но он понял кое-что важное — что в его силах создать что-то новое так мастерски, что никто не заподозрит обмана. И, главное, что с помощью такого таланта возможно отомстить всем тем, кто отвергал Китинга раньше. Его становление в качестве fake artist ему хотелось рассматривать в качестве шага, мотивированного не жадной наживы, а идеологическим поступком, выходом на поле битвы с жестоким миром.

В своей книге он пытался представить себя человеком, пытающимся защитить тех, кто был до него.